

Образ Горбачева в общественном мнении страны



ГОРБАЧЕВ И ВЦИОМ

Эти заметки посвящены образу Михаила Горбачева в общественном мнении, представление о котором составлено на основе опросов, проводившихся сначала агентством ВЦИОМ, а затем «Левада-центром»¹. Сама возможность проведения таких опросов, как и возникновение ВЦИОМ – прародителя подобных агентств по всему СССР, – появилась благодаря Горбачеву.

Незадолго до революции в России начала зарождаться опросная социология, но большевики почуяли в ней конкурента на выражение чаяний народа и запретили – сперва совсем и всякую, позднее именно ту, которая

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*



**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

претендовала на отражение мнений (всего) народа. Запрет этот пытались преодолеть появившиеся в оттепельное время энтузиасты, самый активный из них – профессор Борис Грушин. Они учились, как проводить такие опросы, по книгам, на опыте зарубежных коллег и ждали своего часа. Он настал, когда новый руководитель страны Горбачев понял, что нужны не «ускорение» и не борьба с «отдельными недостатками», а то, что социологи называли бы сменой институциональной структуры общества. Горбачев и его соратники начали это делать, а трансформации/реформы получили местные имена: «перестройка», «гласность», «демократизация».

Для функционирования демократии, говорил мировой опыт, нужно многое, но в том числе три института: свободные выборы власти, свободная пресса и служба по изучению общественного мнения. Свободная пресса родилась. (Ставить ли в заслугу Горбачеву, что он ее не запретил, не репрессировал, не давил цензурой, как большинство российских правителей? Наверное, ставить.) Свободные выборы на Съезд народных депутатов – наш протопарламент – при Горбачеве состоялись. И под его эгидой было создано третье звено в этой связке – агентство по изучению общественного мнения.

Однако – и это настоящая трагедия лидера-реформатора – очень скоро все три демократических инструмента так или иначе стали действовать против него. Его критиковала, ему оппонирова-

ла «межрегиональная группа» на заседаниях Съезда, эта критика отражалась в прессе, и – что важно для нашего рассказа – критический настрой по отношению к Горбачеву отражали опросы общественного мнения.

Горбачева не приняли многие. Ему ставили в укор все – и его политику, и то, что у него родимое пятно на голове². Помимо неприятия, в обществе была и сильнейшая оппозиция со стороны бюрократии всех уровней. В этой (во многом коррумпированной) среде ходили слухи, что Горбачев «куплен» Западом и выполняет его задание заморить две трети населения страны. Для чего, мол, и затеяна вся эта перестройка.

Были у Горбачева и сторонники, горячие энтузиасты преобразований. Например, директор ВЦИОМ академик Татьяна Заславская была одной из тех, кого называли «прорабами перестройки». Но еще одна драма реформатора Горбачева состояла в том, что часть его сторонников, людей, поднятых призывом перестраивать жизнь в стране, логика запущенных им социальных трансформаций понесла вперед быстрее, чем двигался он сам. Горбачев был, как позднее скажут про Ельцина, «президентом всех россиян», в том числе и консервативно настроенных, а потому – сознательно или нет – не мог полностью игнорировать позиции последних. Решительные же «демократы» не имели этого ограничения, и Ельцин для них был более прогрессивным реформатором, нежели Горбачев³.

- 2 Критики не принимали ни его реформы, ни, например, то, что он не стеснялся показывать, что уважает свою жену, ценит ее мнение. За признание Горбачевым субъектности Раисы Максимовны злящаяся публика лишила субъектности его самого. Про отвергаемые публикой идеи и инициативы Горбачева стали говорить: «Это Райка его накрутила».
- 3 Они не знали, что Ельцин довольно скоро сам утратит свой реформаторский потенциал, более того, будет искать в преемники не того, кто продолжит реформы, а того, кто сохранит, законсервирует достигнутые на полпути к капитализму результаты. Для окруживших Ельцина кандидатов в капиталисты недоразрушенный социализм / недопостроенный капитализм оказались идеальной средой для сверхбыстрого получения первоначального капитала.

В период наивысшей популярности Горбачева, когда перестройка и гласность воодушевляли большинство, опросной социологии еще не было. Но следы этого взлета популярности первые опросы зафиксировали. Вот что пишет об этом нынешний директор «Левада-центра» Денис Волков:

«Первые регулярные опросы общественного мнения начали проводиться в конце 1988-го – начале 1989 года. Они показали, что на тот момент Михаил Горбачев был самым популярным политиком Советского Союза (правомерно предположить, что в первые годы его правления – когда опросы еще не проводились – общественная поддержка советского лидера была еще выше). Так, в одном из первых опросов имя Горбачева упоминается респондентами в числе “самых выдающихся людей всех времен и народов”. Он единственный из живших на тот момент современников набрал сколько-нибудь значимый процент ответов – 17%. Более того, половина опрошенных в РСФСР назвали Михаила Горбачева “человеком 1988 года”. Ближайшими “конкурентами” генсека в этом рейтинге стали председатель Совета министров Николай Рыжков и американский президент Рональд Рейган (12–13%); у Бориса Ельцина, на тот момент уже снятого с руководства МГК КПСС, – только 4%, у Андрея Сахарова – 2%»⁴.

Архивы ВЦИОМ/«Левада-центра» в изобилии хранят свидетельства борьбы мнений о Горбачеве в массовом сознании. Согласно опросу 1996 года, где спрашивали о том, какими качествами обладал или не обладал Горбачев, он отличался прежде всего «уравновешенностью», «умом, интеллектом», «личным обаянием», а вот «решительности» ему не хватало.

В 1995 году люди еще считали, что Горбачев оказал значительное влияние

на ход мировой политики. В вопросе «Если говорить о последних 50 годах, какой человек, по вашему мнению, оказал в этот период наибольшее влияние на мировую политику?» респондентам предлагался список из десятка имен, среди которых были Рузвельт, Мао Цзэдун, а также Сталин, Брежнев, Хрущев, Андропов и Ельцин – на тот момент президент России. Никто из них не набрал и десятой доли от результата Горбачева.

Отдавая должное заслугам Горбачева в мировой политике (хотя, полагаем, далеко не в той мере, в какой он заслуживал), соотечественники вымещали на нем и Ельцине злость за цену, которую им пришлось заплатить за годы перестройки и продолжавшихся после нее реформ. Отвечая в 1994 году на вопрос «Кто, по вашему мнению, навязал стране нынешний путь развития?», 50% респондентов возложили ответственность на Горбачева. Далее, по убыванию, перечень выглядел так: «Ельцин и его окружение» (24%), «мафия» (17%), «враждебные силы из-за рубежа» (16%), «продажные чиновники» (8%), «демократы» (7%), «Гайдар/реформаторы» (6%), «все мы / наши действия» (5%), «коммерсанты и бизнесмены» (5%), «евреи/инородцы» (1%), «сепаратисты из других республик бывшего Союза» (менее 1%) (можно было выбрать несколько ответов).

С начала 2000-х опросы показывают примерно одинаковое распределение мнений: времена Горбачева и Ельцина признаются худшими, а времена Брежнева и Путина – лучшими в истории нашей страны за последние сто лет. Попробуем объяснить эти массовые представления.

⁴ См.: www.levada.ru/2025/05/30/perestrojka-nadezhdy-i-razocharovaniya/.

ФОРМАЛЬНОЕ И НЕФОРМАЛЬНОЕ

Государство и то, что называлось словосочетанием «советская власть», – это формальная структура, за десятилетия сложившаяся стараниями начальников, бюрократов, технократов, ими же обжитая, превращенная в часть их жизненного ландшафта, предмет забот, источник доходов и так далее. Но эта формальная система вмещает в себя и всех остальных жителей страны.

Образуют ли они общество – непростой вопрос. По социологическим меркам, у них маловато внутренних связей, структур взаимодействия. Но похоже, что Россия (как, может, и несколько других стран в мире) – это случай, когда единый социум создается за счет структур и связей государства, которое его объемлет. И раз некоторые считают, что есть «государствообразующий народ», то мы ведем речь, если угодно, о «народообразующем государстве».

Советское государство, сложившееся в ходе гражданской и других войн, в ходе волн насилия над различными общественными группами, государство, нормирующее и регулирующее потребление населения, его жизненные ритмы, нормы поведения, – среда для людей сложная и тяжелая. Эту среду советская публика разными способами обживала десятилетиями, пытаясь сделать существование в ней более терпимым.

Первой назовем такую форму адаптации общества, как коррупция при взаимодействии с бюрократической системой, чаще – в форме взятки. С социологической точки зрения, главное здесь – не сам факт незаконного взаимодействия, а необходимая для этого неформальная человеческая связь участников трансак-

ции. Чтобы дать взятку, надо знать, кому ее дать. Нужны неформальные отношения: знакомства, дружба, родство.

Другая форма адаптации – «блат», или, как теперь говорят, «связи». Наши исследования показывали, что, по мнению людей, «связи» – важнейший элемент трудовых отношений, без них устроиться на «хорошую работу» просто невозможно.

Еще способ обживания системы – «незаконное предпринимательство», как оно тогда называлось. Это «фарцовщики», «спекулянты» – от мелких, вроде частных зубных кабинетов, до подпольных цехов.

Нельзя не назвать еще один вид личных стратегий – массовое и систематическое употребление алкоголя, поскольку невыносимые отношения с реальностью становятся выносимы, если выпить. Ситуация с созданием хронического фонового опьянения, алкогольного смягчения остроты переживания социальных проблем особо интересна тем, что государство принимало участие в ее создании, продавая, так сказать, лекарство от самого себя⁵.

Еще способ, особенно в молодежной среде: включение в неформальные структуры, например, фанатов того или иного музыкального направления, – «неформальные молодежные объединения», они же «неформалы». Милиция разносила по школам и ПТУ инструкции: какие музыкальные группы запрещены формальными структурами, занимающимися управлением культурой и идеологией.

Широко распространено мнение о дисфункциональности форм обживания советским обществом формальных структур: принося пользу/выгоду частным лицам, они вредили народному хо-

5 Вообще говоря, притупление остроты индивидуальных и социальных реакций на происходящее в советском обществе могло быть даже более весомой целью постоянного вливания в социум химических агентов, нежели стремление наполнить казну.

зайству и общественному благу в целом. И лишь немногие полагали, что без этой неформальной компоненты (пусть местами и криминальной) государственная, формальная система функционировать не могла.

Другой путь

Юрий Андропов, получив высшую власть в стране, решил искоренить перечисленные злоупотребления и восстановить формальный порядок. Он мало что успел, поэтому чаемый эффект, равно как и разочарование в самой затее, не наступили. А представление, что он «хотел как лучше», «был за честность», у публики осталось⁶. В 1991 году ответы на вопрос «Кого из государственных, общественных и культурных деятелей России и СССР люди будут вспоминать через десятки лет?» распределились следующим образом: Юрий Андропов (32%), Михаил Булгаков (15%), Владимир Ленин (11%), Михаил Горбачев (9%), Борис Ельцин (7%), Андрей Сахаров (6%), Максим Горький (5%), Леонид Брежнев (3%), Николай II (1%), Петр Столыпин (1%), Александр Солженицын (0,4%), Иосиф Сталин (0,2%), Никита Хрущев (0,1%). Мнения, что «никого из этих людей к тому времени не будут вспоминать с благодарностью», придерживались 3%, а затруднились с ответом 7%.

Пришедший к власти Горбачев располагал информацией о том, сколь плачевно состояние социалистической экономики. Поначалу он присоединился

к мнению многих руководителей и экспертов: с хозяйством плохо потому, что люди плохо работают. А работают плохо потому, что много пьют, в чем виновато государство, широко торгующее алкоголем. Была запущена антиалкогольная кампания, которая не была совсем уж безрезультатной: специалисты отмечали резкое снижение мужской смертности от «неестественных причин» и другие позитивные демографические эффекты. Но серьезного прогресса в народном хозяйстве не случилось, зато Горбачев серьезно и, как увидим, надолго подорвал репутацию руководителя, понимающего, что нужно руководимому им народу.

Горбачев начал догадываться, что дело в политической системе, которой была подчинена экономика. Он не был готов отменять социализм, но пришел к мысли, что всевластие (коррупцированной) бюрократии (командно-административной системы, по определению Юрия Афанасьева) – это «не тот» социализм. Плохой социализм надо заменить хорошим, гуманным – эту идею выдвигали чехословацкие коммунисты в 1968 году, ее придерживались и крупнейшие компартии Западной Европы. Горбачев пришел к убеждению: советский социализм надо перестраивать, и с идеей такой перестройки он обратился к широким массам, но трудно было ожидать от них поддержки – с существующей системой они кое-как сжились⁷.

Не было поддержки и внутри ЦК: хотя у Горбачева там были отдельные союзники, но, не прибегая к репрессив-

6 Интересно, что Владимир Путин, в образе которого, согласно опросам 2000-х, публика находила сходства с Андроповым, когда освоился с должностью первого лица, как никакой другой руководитель нашей страны – деталями своего поведения и репликами, – дал широкой публике понять, что ставит неформальные отношения выше формальных. В этом залог его неизменной поддержки со стороны двух третей взрослого населения России.

7 Показательны полученные в 1990-м ответы на вопрос «Если бы вы в 1985 году знали, к чему приведут начавшиеся в стране перемены, поддержали бы вы их или нет?»: поддержали бы 25%, не поддержали – 38%, не смогли сказать определенно – 37%.



ным методам Сталина, подавить сопротивление аппарата было невозможно. Сталинским путем Горбачев не пошел, не стал он опираться и на отдельные бюрократические группы, но сделал выход в совершенно другую, противоположную по ценностям и интересам среде – либеральной («демократической», как говорили тогда) интеллигенции.

Эта среда тоже практиковала разные виды приспособления к жизни в жестких условиях советского государства. Среди них были мягкие формы, как самодеятельный туризм – физический уход из-под разнообразных форм госконтроля и связанная с туризмом культура самодеятельной (то есть нецензурируемой) авторской песни. Более рискованной и политически острой была система массовой коммуникации внутри этой среды – самиздат. Здесь были распространены далекие от официального марксизма-ленинизма взгляды и большим авторитетом пользовался Андрей Сахаров. Вернув академика из ссылки, Горбачев дал сигнал именно этой части общества. Она же наиболее активно восприняла и другой его сигнал – гласность.

Общество признавало роль Горбачева в демократизации страны. В 1990 году распределение ответов на вопрос «Кто, по вашему мнению, положил начало нынешнему процессу демократических преобразований в стране?» было следующим (можно было выбрать несколько вариантов): «Михаил Горбачев» – 55%, «прогрессивные силы в партии» – 17%, «Андрей Сахаров и другие правозащитники» – 11%, «КПСС в целом» – 6%, «Никита Хрущев в докладе на XX съезде» – 5%, «ученые и хозяйственники – инициаторы экономической реформы» – 3%, «движения национального возрождения в республиках» – 1%, «другие силы» – 1%. Стоит

отметить, что вариант «Я не считаю, что в стране идет процесс демократизации» набрал 10%, и столько же затруднились с ответом.

БЕЗ БЛАГОДАРНОСТИ

Горбачев, как и все, кто руководил нашей страной в последние столетия, был на свой лад имперцем. Ранние большевики редко сознавали, что, заменяя Российскую империю – «тюрьму народов» – на союз социалистических республик, в котором все равно доминировала Россия, они сохраняют империю. Горбачев, предлагая заменить СССР на новый союз государств, подписавших соответствующий договор, не думал об империи как таковой. Но он и не намеревался, как это ему приписывает нынешнее общественное мнение, «развалить Союз» – как раз наоборот. Видя, что СССР разваливается, он верил, что на новой договорной основе он его сохранит.

В лагере «демократической интеллигенции» были разные взгляды на этот счет. Многие пошли за Ельциным, который реальную власть над Россией предпochел власти над (почти) всей бывшей российской/советской империей. В ходе путча Горбачев оказался между ультраконсерваторами из ГКЧП и ультралибералами Ельцина. В этом вакууме и закончилась его политическая карьера.

Российская публика не вникала глубоко в эти политические расклады. В современном общественном мнении политические противники Михаил Горбачев и Борис Ельцин воспринимаются заодно, и главное, что им припоминают, это «развал Союза» и связанные с этим трудности. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, на ком лежит основная ответственность за трудности, переживаемые сейчас Россией», на Горбачева

и его окружение в 1999 году возлагали ответственность 22%, а в 2000-м – 33%. На Ельцина с его окружением – 43% в 1999-м и 25% – в 2000-м.

Говорить о «благодарности поколений» не приходится. На вопрос «Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если

бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?» (то есть до перестройки), ответ «Согласен» в основном преобладал. Но когда следом спрашивали, хотел бы респондент вернуться в ту, доперестроечную, жизнь, – ответ большинства был все-таки «нет».

Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?

	1991	1992	1996	2000	2003	2008	2011	2015	2020	2024
Согласен, %	44	42	51	50	55	34	42	41	47	32
Не согласен, %	33	46	41	40	38	46	36	33	39	51